

— Ты говоришь такие гадости, — Цзянь Цзе потянула Хань Яньшэн на себя. — Даже если то, что ты сказала — правда, это проблемы ваших отношений. Как можно во всём винить Яньшэн?

— Я разговариваю с ней, ты тут при чём? Тебя кто-то спрашивал? — Гу Саньюй одарила её презрительным взглядом. — Ты была участницей событий? Видела всё своими глазами? Или сама через это прошла? Если ничего не знаешь, стой в сторонке и молчи. Нечего тут высказывать свои нелепые суждения.

Лицо Цзянь Цзе то бледнело, то краснело. Она уже собралась возразить, но её опередила Цинь Юэ:

— Саньюй, мне тоже кажется это странным. Что творится с нашим обществом? Уводят чужих мужей, а потом находятся ещё и такие беспардонные люди, которые пытаются защитить разлучницу. Совсем не понимают, в какой ситуации оказались.

Цзянь Цзе просто хотела вступить за Яньшэн, но забыла, что Гу Саньюй — не та, с кем стоит связываться. Увидев, что Цинь Юэ тоже встряла в разговор, она пришла в ярость. С Гу Саньюй ей не потягаться, а вот с Цинь Юэ — вполне.

— У меня нет права голоса, я не участница событий, а ты, Цинь Юэ, что, участница? — парировала Цзянь Цзе словами самой Гу Саньюй. — Ты сама через это прошла?

— Конечно, у меня есть право голоса, — слегка улыбнулась Цинь Юэ. — Мы с Саньюй дружим с десяти лет, все видят, насколько мы близки. Что плохого в том, что я заступаюсь за свою подругу? А ты? Никто никогда не слышал, чтобы вы с Хань Яньшэн были так уж близки, а тут вдруг кинулась на амбразуру. Непонятно, какие у тебя цели.

— Просто я не выношу, когда сильные притесняют слабых, — огрызнулась Цзянь Цзе. — Встреча выпускников проходила так хорошо, зачем ты цепляешься к этому? Раз уж они действительно вместе, что мешает тебе быть великодушнее?

— А Юэ, — Гу Саньюй повернулась к подруге и вполне серьёзно произнесла: — Видишь? Больше всего я ненавижу тех, кто призывает к великодушию, даже не разобравшись в ситуации. Представь: тебя кто-то пырнул ножом, она проходит мимо, кровь на тебе ещё не высохла, а она кричит тебе: «Ничего страшного, будь смелой». Скажи, я после этого не должна умереть от злости?

Цинь Юэ подумала, что это самая популярная сейчас фраза, и она подошла как нельзя кстати. С трудом сдерживая смех, она с каменным лицом ответила:

— Тогда нам в будущем нужно держаться от таких людей подальше. Потому что, когда в них ударит молния, может зацепить и нас.

Ян Мэй не выдержала и прыснула со смеху.

Если кто и умел оскорблять людей, не используя ни одного бранного слова, так это Гу Саньюй. Во всей школе никто не посмел бы оспорить её первенство в этом деле.

Вспомнились былые времена: она, Цинь Юэ и Му Шань часто наводили шороху в классе, нередко ссорились с другими. Сейчас им всем по двадцать пять-двадцать шесть, а характер остался прежним — ни на шаг не уступят.

— Тогда я тоже буду держаться от них подальше, а то не хотелось бы попасть под молнию, — Ян Мэй взглянула на Цзянь Цзе, а затем с улыбкой обратилась к старосте: — Староста, если уж хочешь быть миротворцем, сначала разберись в ситуации, чтобы тебя не использовали как пешку.

Староста тоже не был дураком, просто ему стало неловко, и он не знал, что сказать.

Видя, что Ян Мэй тоже поддерживает их двоих, Цзянь Цзе почувствовала себя изолированной. Глядя на Хань Яньшэн, которая даже не смела пикнуть, она пришла в бешенство. Остальные же продолжали пить и закусывать, и хотя многие с интересом наблюдали за представлением, никто, как она, не бросился на рожон.

Всё-таки они уже не семнадцатилетние подростки.

Все так или иначе изменились: старшим уже по двадцать семь-двадцать восемь, младшим — по двадцать четыре. Кто-то работает в госкорпорациях, кто-то стал госслужащим, кто-то открыл своё маленькое дело. За столом они вели светские беседы, общаясь почти официально. Те, кто не женат, говорили о работе, замужние — о свекровях, бездетные — о мужьях, а те, у кого есть дети, доставали фотографии и показывали остальным...

Даже при всём шуме за столом, их разговор наверняка слышали многие. Но никто не стал расспрашивать, никто, кроме старосты, не попытался их помирить, и никто не полез в драку. Что это значит? Это значит, что в глубине души они считают виноватой Хань Яньшэн. Или же они просто не хотят из-за неё портить отношения с Гу Саньюй.

Что сегодня за день? Столько людей собралось, зачем Гу Саньюй выносить их личные разборки на всеобщее обозрение? Кто бы ни был прав, это семейное дело, позор. Разнесут слух, что Гу Саньюй проиграла Хань Яньшэн — как это будет звучать? Гу Саньюй ненавидит, когда её обсуждают, но сегодня она сама выставила свой позор напоказ. Что это значит?

Цзянь Цзе вспомнила характер Гу Саньюй. В школе та всегда была яркой и пылкой, но при этом — опасным игроком.

Три года средней школы, три года старшей. За все шесть лет никто не мог выйти сухим из

воды, перейдя ей дорогу. Не говоря уже об успеваемости, в юности Гу Саньюй была человеком открытым и щедрым, не придавала значения мелочам, но при этом была крайне злопамятной.

Цзянь Цзе отчётливо помнила: во втором полугодии десятого класса одна ученица на соревнованиях по бегу специально подставила подножку Гу Саньюй. Она видела, как Чжу Юньцзянь, бежавшая рядом, выставила ногу. Гу Саньюй упала, ударившись коленями, а Чжу Юньцзянь притворилась, что тоже упала, и повалилась рядом.

Гу Саньюй быстро вскочила и побежала дальше, финишировав второй. А вот Чжу Юньцзянь не повезло: она упала сама и не заняла никакого места. В тот день Гу Саньюй, хромая на распухшее колено, получала награду и с улыбкой спрашивала Чжу Юньцзянь, не ушиблась ли та. Все подумали, что она не злится.

Но потом, во всех соревнованиях, Гу Саньюй не упускала случая насолить Чжу Юньцзянь. Стоило той куда-то записаться, как там тут же появлялась Гу Саньюй.

Чжу Юньцзянь участвовала в конкурсе рисунков — Гу Саньюй была дежурной и, проходя мимо, случайно задела её руку, оставив на бумаге странную кляксу. Чжу Юньцзянь пошла в танцевальный кружок — Гу Саньюй тоже, и их поставили в пару, где нужно было имитировать борьбу: Гу Саньюй каждый раз бросала её по-настоящему. Чжу Юньцзянь участвовала в конкурсе школьных дикторов — Гу Саньюй сидела в комиссии и выкинула её первой.

С тех пор класс Чжу Юньцзянь не мог занять призовых мест за стенгазету, получал больше всего штрафных баллов по дисциплине, и переходящее красное знамя полгода не могло попасть к ним в класс.

Чжу Юньцзянь терпела, но однажды не выдержала и пожаловалась классному руководителю. Учителя вызвали обеих, чтобы они разобрались, но Гу Саньюй была на хорошем счету, учителя не поверили в её предвзятость, а сама она всё отрицала. Чжу Юньцзянь пришлось смириться.

Вспоминая прошлое, Цзянь Цзе не могла понять цель Гу Саньюй. Это не принесёт ей никакой пользы, наоборот — станет темой для пересудов, а ведь она это ненавидит.

Гу Саньюй и не думала притворяться, что у них с Хань Яньшэн всё хорошо. Даже если та не будет лезть к ней, она сама найдёт способ её пристыдить. Неужели её мужчину так легко увести? К Гао Чжаню она ещё питала остатки чувств, но к Хань Яньшэн у неё жалости не было.

Она пришла сюда, чтобы выпустить накопившуюся ярость перед отъездом в город Наньлинь. К тому же на следующей неделе суд. Хорошо, что все узнают детали заранее, чтобы потом Хань Яньшэн не смогла оправдаться.

Ей нужно было обсуждение. Любой здравомыслящий человек подумает: может, Гу Саньюй и перегибает палку, но Хань Яньшэн увела чужого мужа, и как бы она ни притворялась слабой, это вызывает лишь отвращение.

Пусть лучше люди услышат правду от неё самой, чем из сплетен. Пусть людей сегодня не так много, но для такого маленького уезда, как Е, этого хватит, чтобы новость разлетелась по всему городу.

Видя, что Цзянь Цзе притихла, Гу Саньюй усмехнулась:

— Разве ты не просила меня простить тебя? Выпей эту бутылку водки, и я прощу. Пей давай.

Хань Яньшэн тихо всхлипнула, взглянула на Гу Саньюй и прошептала:

— Саньюй, я знаю, что бы я ни сделала, ты будешь злиться, но я всё равно хочу, чтобы ты не держала на меня зла...

Цинь Юэ толкнула Гу Саньюй в бок:

— Смотри, она вовсе не хочет пить, ищет оправдания.

— Тогда ничего не поделаешь, — Гу Саньюй пожала плечами. — Тогда будь добра, вернись на своё место. Не надо плакать здесь, хорошо?

— Саньюй... — Хань Яньшэн, видя, что та даже не смотрит на неё, с мольбой посмотрела на старосту.

Староста неловко улыбнулся. Роль миротворца оказалась слишком сложной. Ранее, когда он был пьян, он слушал жалобы Хань Яньшэн, а теперь, протрезвев, проклинал свою глупость. Он невнятно рассмеялся и под предлогом похода в туалет поспешил скрыться.

Гу Саньюй и Цинь Юэ, игнорируя Хань Яньшэн, продолжили болтать с Ян Мэй и другими одноклассниками. Цзянь Цзе, увидев это, потянула Хань Яньшэн за собой.

— Яньшэн, не в обиду будет сказано, зачем ты полезла к Гу Саньюй? — спросила Цзянь Цзе. — Она не хочет с тобой говорить, а ты сама лезешь под удар.

— Цзянь Цзе, ты не понимаешь, это действительно моя вина, — ответила Хань Яньшэн. — Мне очень жаль, правда.

Цзянь Цзе вздохнула.

Когда староста вернулся из туалета, все уже почти закончили ужин. Так как заранее договаривались пойти в караоке, а некоторые отказались, в итоге пошло человек десять.

Хань Яньшэн тоже увязалась за ними. Гу Саньйой думала, что та найдёт предлог, чтобы уйти, но ошиблась. После того как её при всех унизили, она всё равно пошла с ними. Непонятно, что в голове у этой с виду слабой женщины.

Ладно, плевать на неё. Раз уж всё сказано, притворяться дружелюбными нет смысла.

В караоке староста сразу захватил микрофон, Цинь Юэ и Ян Мэй играли в карты с Вэнь Синем, Цзянь Цзе о чём-то шепталась с Хань Яньшэн. Гу Саньйой выпила немало вина.

Вэнь Синь обыграл девушек, и те, не желая пить штрафную, потребовали, чтобы он выпил сам, обвинив его в отсутствии галантности. Вэнь Синь покладисто выпил.

Гу Саньйой почувствовала, что голова кружится. Вспомнив слова Лу Чжэ, она достала телефон: десяток пропущенных от него. Музыка гремела, она показала Цинь Юэ жест, означающий звонок, та кивнула.

Гу Саньйой вышла в коридор, и как только дошла до туалета, Лу Чжэ снова позвонил. Она прочистила горло:

— Алло...

На том конце Лу Чжэ нахмурился:

— Где ты сейчас?

— В... в Парижском дворце, — Гу Саньйой, боясь его гнева, начала оправдываться: — В кабинке слишком шумно, я не услышала звонок.

— Понятно, — голос Лу Чжэ звучал как обычно: — Какой номер кабинки?

— А? Я в зале Шаньшуй Уцзянь, — замялась Гу Саньйой: — Ты приедешь?

— Через полчаса буду.

— Полчаса? — Гу Саньйой посмотрела на часы, только начало смеркаться.

— Ты сама слышишь, что у тебя язык заплетается? — подумал Лу Чжэ. Она явно перебрала. В прошлый раз она напилась, и он воспользовался этим, теперь он не хотел, чтобы кто-то другой воспользовался случаем.

— Разве? — Гу Саньйой скривила губы и пробормотала: — Ничего подобного.

— Даю тебе полчаса, чтобы протрезветь, — отрезал Лу Чжэ.

— Слушаюсь, господин директор, — подыграла она.

Лу Чжэ, держа телефон, улыбнулся — он словно видел её выражение лица.

Гу Саньюй вернулась в кабинет. Видя, что Цинь Юэ тоже изрядно выпила, она прошептала ей на ухо:

— Скоро мне пора уходить.

Цинь Юэ повернулась:

— Ещё же рано?

— Послезавтра уезжаю, надо вещи собрать, хочу завтра пораньше встать, — нашлась Гу Саньюй.

— Ну ладно, — Цинь Юэ вздохнула: — Как доберёшься, дай знать. Два года не увидимся, даже грустно как-то.

— Если не приеду я, ты приезжай ко мне, — утешила её Гу Саньюй: — Во время отпуска обязательно навести меня, если Му Шань будет свободна — бери её с собой.

Цинь Юэ кивнула:

— Саньюй, обещай мне, что будешь беречь себя.

— О чём это вы тут шепчетесь? — подошёл Вэнь Синь. — Дайте и мне послушать.

Цинь Юэ оттолкнула его:

— Это девичьи секреты, тебе не понять.

Гу Саньюй рассмеялась:

— Не лезь не в своё дело.

Староста закончил петь и подошёл чокнуться со всеми. Гу Саньюй воспользовалась моментом,

чтобы сказать, что ей пора. Все начали её уговаривать остаться, но она настояла на своём, выпив три штрафных бокала вина — последний за неё допила Цинь Юэ.

Голова закружилась ещё сильнее. Она попросила Вэнь Синя доставить девушек домой в целости и сохранности:

— Это почётное и ответственное задание, не подведи меня.

Вэнь Синь покраснел:

— Задание будет выполнено, не переживай.

Гу Саньюй надела пальто, взяла сумочку и вышла. Не успела она отойти, как следом выскочила Хань Яньшэн.

— Саньюй, ты в порядке? — она подошла ближе: — Ты перепила, давай я вызову тебе такси?

Гу Саньюй даже не взглянула на неё и пошла дальше. Хань Яньшэн, видя, что её игнорируют, не отставала.

На обочине Гу Саньюй проверила телефон: до встречи с Гао Чжанем оставалось минут десять. Хань Яньшэн, заметив, что та пошатывается, попыталась её поддержать, но Гу Саньюй отмахнулась.

— Береги себя, не упали, — заботливо сказала Хань Яньшэн.

— Не попадайся мне на глаза, — равнодушно бросила Гу Саньюй: — Держись от меня подальше.

Хань Яньшэн послушно отошла в сторону.

С противоположной стороны шли трое мужчин, один из которых специально врезался в Хань Яньшэн.

— Глаза разуй! — мужчина, увидев Хань Яньшэн, хищно улыбнулся и подмигнул приятелям. — Такая девушка, а не смотришь, куда идёшь. Что делать, если я пострадаю?

Хань Яньшэн, испугавшись, посмотрела на Гу Саньюй, но та не собиралась вмешиваться. Она стиснула зубы и попыталась обойти их.

— Эй, — коротышка преградил ей путь: — Пойдём в караоке, повеселимся с нами.

— Вы... вы не обнаглели?! — возмутилась Хань Яньшэн: — Уйдите!

Но она была хрупкой, а её мягкий голос не внушал страха. Мужчины рассмеялись и потянулись к ней.

Гу Саньюй скинула туфли, положила сумочку рядом и, подойдя, похлопала по плечу того, что был повыше.

— Эй, убери руки, — сказала она: — Не видите, что ли, люди вокруг?

Высокий обернулся, увидел Гу Саньюй босиком и сально улыбнулся:

— О, а я и не заметил, что тут ещё одна. Иди сюда, вместе пойдём.

Он потянулся к ней, но Гу Саньюй, не раздумывая, ударила его ногой. Тот не успел среагировать и рухнул на землю с воплем. Остальные двое замерли, а коротышка разозлился:

— О, решила подраться? Ну, пойдём, поиграем.

Один из них шагнул вперёд. Хань Яньшэн перепугалась:

— Саньюй, что ты делаешь?! Бежим скорее!

Гу Саньюй зыркнула на неё:

— Заткнись.

Коротышка помог высокому встать и подобрал с земли палку. Высокий, корчась от боли, прорычал:

— Чёрт, прикончите эту стерву! Она посмела ударить меня!

Гу Саньюй крикнула в ответ:

— Я тебя так отделаю, что мать родная не узнает!

— Языком молоть — не мешки ворочать, — коротышка бросился на неё с палкой.

Гу Саньюй ловко увернулась. Вдвоём они набросились на неё. К счастью, в университете она

занималась боксом, так что не упала сразу, но из-за алкоголя реакция была замедленной, и она пропустила несколько ударов.

Однако она не осталась в долгу и провела бросок через плечо, повалив коротышку. Тот опешил: он никогда не видел женщин, которые снимают туфли, чтобы драться, да ещё и делают бросок мужчине, который выше их на полголовы.

Но он быстро вскочил — мужчина всё-таки. Через несколько минут Гу Саньюй начала сдавать позиции.

Хань Яньшэн запаниковала, но телефона у неё не было. Она хотела убежать за помощью, но высокий не сводил с неё глаз. Прохожих почти не было, никто не спешил на помощь. Видя, что Гу Саньюй проигрывает, она едва не расплакалась.

Коротышка, поднявшись, размахнулся палкой, целясь в Гу Саньюй. Та не успевала уклониться.

<http://bllate.org/book/22294/2334575>